

Серёже Потимкову, моему другу и самому популярному тележурналисту города, который создал передачу «Комендантский час» на 7-м канале Харьковского ТВ

Киносценарий

Тихий час

В померанцевом жупане с коричневым овчинным подбивом, в каракулевой папахе с оранжевой лентой по двору быстро идет человек, хрустя по снегу хромовыми черными чеботами. Человек подходит к железной двери без вывески, открывает ее. Спускается вниз по ступеням, ведущим в темный и длинный подвал. Сапоги ступают по воде, покрывающей пол. Хмурое лицо человека поднимается к потолку, с которого срываются тяжелые капли. Губы делают характерное движение. Поначалу кажется, что это знаменитое невзоровское «бля», но затем все яснее слышится голос человека, голос за кадром, рассказывающий авторское стихотворение о капле «Капля-акробат».

Коридор расширяется и заканчивается. Взгляду открывается несколько полукруглых сводов, куда, как в каналы, продолжает литься вода. Человек, уже по колено в воде, уходит в один из каналов, над которым висит большая цифра «7».

Свод заканчивается еще одной железной дверью, перед которой человек снимает жупан и папаху и остается в мундире русского офицера с золотыми эполетами времен отечественной войны 1812 года. С крючка на стене человек снимает военную фуражку и водружает ее себе на голову. Он отворяет дверь и входит в полную тьму.

Вспыхивает яркий свет. Вокруг восторженные лица, крики: «С днем рождения!» Человек со строгой улыбкой смотрит на поздравляющих и кивает, приглашая рассаживаться. Все садятся на стулья и превращаются в аудиторию. Человек же садится напротив за массивный письменный стол, над которым вспыхивает электронная надпись: «Прямое включение».

Потимков (исподлобья): Добрый вечер! Вас вновь приветствует передача «Тихий час». Если вы смотрите сейчас эту передачу, это значит, что минули годы, пал диктаторский режим мэра Гупало. Сейчас же передача закрыта, и передачи запрещены. (Нажимает кнопку, загорается надпись – «Легкий смех», все хихикают)

Ну, а пока что – под новым конспиративным названием – мы снимаем нашу программу для наших потомков в подпольной – и это не игра слов - студии. Именно в этой студии находится сейчас последнее пристанище свободы и русского языка. Именно здесь скрываются от кроваво-оранжевого жупела Гупало те, кто не захотел отказаться от родного языка, хотя у них и был выбор, поставленный нелегитимным мэром: или украинский - или татарский.

(Из аудитории выходят девушки сказочной красоты в русских национальных костюмах и начинают водить неспешный русский хоровод под тихий протяжный вой, издаваемый человеком с таракаными усами в майке с надписью: «Хочу назад в родной Саратов!»)

Потимков: Среди гонимых – вот этот русский танцевальный ансамбль, который весь – вместе с его художественным руководителем Ларисой Мироян – был продан нелегитимным Гупало в сексуальное рабство – в гарем татарского хана в Бахчисарае.

Но вначале звонки. (Серьезнеет) Звонки. Звонила не назвавшая себя женщина, жаловалась на то, что Лопань почти пересохла и воняет, а власти ничего не хотят делать. Звонила также известный русский филолог-преподаватель Ивлева Наталья и рассказала, что ей пришлось

уволиться из-за невыносимых условий работы: сначала ее заставляли преподавать русский язык как первый иностранный, затем русский язык как второй иностранный, а затем русский как английский. Комментарии здесь излишни. Ну, а теперь наш первый гость.

(В студии появляется невысокая чернявая женщина в национальном костюме украинской селянки. На веревке она ведет унылую маленькую лошадку ярко оранжевого цвета, размером не больше английского кокера-спаниеля. Хоровод преобразуется в хор и затягивает «Ходят кони». Украинка садится на предложенный стул. Лошадка кивает головой)

Потимков: (отвечая на приветствие) Добрий вечір!

Украинка: Здравствуйте, Сережа.

Потимков (всматривается в женщину и привстает от изумления): Гарри Лазаревич!

Керцер (невозмутимо): Да, Сережа, это я. Не обращайте внимания на этот маскарад, я к вам по делу.

Потимков: Какому же?

Керцер: Я по поводу лошади. Я хочу, чтобы вы всем показали мою лошадь.

Потимков: Но мы уже показывали Вашу лошадь, и много раз.

Керцер: Да, показывали, но тогда она не была оранжевого цвета. И она не была такой маленькой. Она была такой, какой полагается быть лошади Пржевальского: энергичной и волосатой, как я. Посмотрите на нее сейчас: власти хотят доконать ее, они перекрасили ее в оранжевый цвет. Но они не остановились на этом: они запрягли ее в тачанку. (Лошадь горестно вздыхает)

Потимков: Хорошо, Гарри Лазаревич, мы покажем ее, но только ее никто не увидит. Вас это устраивает?

Керцер: Вполне. Пусть только она всегда будет рядом с вами. Вам что, жалко? Кто знает, может кто-нибудь когда-нибудь и увидит. Договорились? Ну, и отлично! (Уходит. Лошадь становится сбоку от Потимкова и несколько раз кивает головой)

Потимков: Ну, а теперь следующий гость, я бы сказал «гвоздь» - ха-ха - нашей программы. Введите. (Вводят и сажают на стул Бумбараша)

Потимков: (из еще большего подлбья): Бумбараш – это ведь не твое настоящее имя.

Бумбараш: Это вообще не настоящее имя.

Потимков: Понятно. Но это не главное. Расскажи для начала что-нибудь о себе.

Бумбараш: Э-э-э...

Потимков: Понятно. Теперь о самом последнем периоде твоей жизни.

Бумбараш: В последнее время я жил в Америке.

Потимков: То есть это там, где американцы убили всех индейцев?

Бумбараш: Да, но это не главное.

Потимков: То есть, ты жил в стране победившего геноцида?

Бумбараш: В общем, да, но это не...

Потимков: Понятно. Ты – американец?

Бумбараш: Нет, я – гражданин Украины, я могу паспорт показать.

Потимков: Ну, зачем? А впрочем, любопытно взглянуть. (Берет паспорт, листает, рассматривает, затем кладет в ящик письменного стола).

А теперь о главном. Почему ты стал невыездным, почему ты вынужден скрываться?

Бумбараш: Я принес присягу президента Украины. Я перепутал падежи. Нужно было приносить присягу президенту. Но все равно, было очень красиво, я сделал это на уставе ООН, где я тогда и работал.

Потимков: В принципе, я не вижу каких-нибудь противопоказаний. Фамилия у тебя более чем подходящая, из трех слогов, оптимальная для скандирования. Бум-ба-раш! (Аудитория подхватывает: Бум-ба-раш! Бум-ба-раш! Бум-ба-раш!) Нужно обязательно, чтобы было три слога. Если в фамилии слогов только два – например, Кучма – то по правилам украинской

грамматики - добавляется «геть». (Аудитория скандирует: Кучмугеть! Кучмугеть! Кучмугеть!)

Потимков: Но это не главное. Что было дальше?

Бумбараш: Дальше я решил отделиться от Украины.

Потимков: Правда ли то, что ты предложил свой состав правительства?

Бумбараш: Да.

Потимков: Взглянем же на твой список. (Разворачивает листок бумаги) Итак: Министр национальных меньшинств и народных танцев – Лариса Мироян; министр математических наук – Петя Юдицкий; генеральный огнетушитель Украины – Саша Донской, он же защитник прав актеров погорелых театров; министр образования внешней задолженности – Алик Алексанян; министр общего согласия и успокоения – Саша Кальниченко; министр запугивания детей дошкольного возраста – Виктор Евменов; министр турбин и народных инструментов – Саша Федотов. И т.д. и т.п. Список, прямо скажем, впечатляющий. Но вот что ты пишешь дальше? Ты предлагаешь некоего Смагина на пост министра кисломолочной промышленности. Но ведь он – гражданин другой, пусть и великой, державы. Или вот вообще нечто совершенно нелегитимное: некая Нина из Москвы - именно так и ты пишешь...

Бумбараш: Я никогда не знал ее фамилии. Но она из Москвы, да...

Потимков: Так вот: ты предлагаешь эту Нину из Москвы на должность министра иностранных дел, причем уже даже не Украины, а Федеративной Республики Германии. Каково?

Бумбараш: Нина очень хорошо знает немецкий язык.

Потимков: Путин тоже хорошо знает немецкий язык.

Бумбараш: Да, но он уже занят.

Потимков: Ну, а теперь, главное, то, что больше всего возмутило нелегитимную власть. Правда ли то, что ты на пост премьер-министра страны, (Потимков нажимает на кнопку – загорается надпись: «барабанная дробь») нашей великой страны, ты предложил кандидатуры своей собаки Абби?

(Хоровод замирает и пристально смотрит на Бумбараша)

Бумбараш: Да, собаки (тупит взор)

Потимков (продолжает выжидающе смотреть на Бумбараша)

Бумбараш: Да, в общем, суки...

Потимков: Но это не главное. Главное – чем ты руководствовался при этом?

Бумбараш (оживляется): Во-первых, Абби очень ровно относится к Западу и Востоку. Во-вторых – она очень любит свиные уши и тем самым может поддерживать украинские национальные ценности. В-третьих – в отличие от других кандидатов на эту должность она привита от бешенства, о чем у нее есть соответствующая справка и медальончик на шее. Ну и наконец, ее самое главное качество: она – друг человека.

Потимков: И это так оскорбило власть, что она сделала тебя невыездным?

Бумбараш: Не совсем. Последней каплей стало то, что Абби сама сняла свою кандидатуру.

Потимков: Это почему же?

Бумбараш: Ей не понравилось, что собака в украинском языке – мужского рода.

Потимков: Понятно, но это не главное. Главное – это то, что у тебя в этой большой коробке.

Бумбараш: Да, ты прав, в ней главное, в ней мой тебе подарок. (Снимает крышку – все ахают) Немного похоже на праздничный пирог. Но на самом деле это – карта, выполненная в трех измерениях. Я постарался изобразить здесь нашу с тобой страну. Смотри: вот наш университет и подвал тети Паши. На реке Лопань – наш теплоход, который плывет в Белое Море, которое тогда тоже было нашим. Сразу за Мерефой – саванна (как, собственно, оно и было) и озеро Виктория, рядом с ним – наш большой военный самолет и огромный негр – это кровавый диктатор Иди Амин, которого мы тогда поддерживали. Немного дальше –

Абиссинское плоскогорье, видишь маленькие круглые домики – по-амхарски называются «тыкуль», помнишь? А эти коричневые смешливые ребята – наши эфиопские курсанты, а вот этот маленький – кровавый диктатор Менгисту Хайле Мариам, которого мы тогда поддерживали. Он очень верткий, все время норовит убежать, за ним нужен глаз да глаз. За Пятихатками начинается пенсильванский лес с медведями и дачей, на которую ты приплыл по Гудзону вот на этой малюсенькой яхте. (Подскакивает, встревожено) Ну, вот, Менгисту опять удрал! Ловите его!

Потимков нажимает на кнопку, загорается надпись «Всем ловить кровавого диктатора Менгисту Хайле Мариам!» Хоровод бегают по комнате кругами. Лошадь Пржевальского начинает в углу что-то усердно топтать.

Потимков: Растоптала! Эта тварь оранжевая растоптала Менгисту! Оттащите ее! (Лошадь оттаскивают за хвост, она брыкается и пытается укусить министра народных танцев. Потимков подбирает фигурку и засовывает ее в тыкуль) Ничего, может еще отлежится. (Обращаясь к хороводу, кричит) Куда!? Куда вы суете свои руки!? Прочь! (Любовно поправляет коричневую курточку на фигурке, стоящей на площади Тевелева, с растрепанной шевелюрой и редкой бородкой) Прочь руки от Лимонова!

(Закрывая коробку и успокаиваясь) Но вернемся же к предмету нашей беседы. Бумбараш, обращался ли ты к кому-нибудь для восстановления своих поправных прав?

Бумбараш: Да, конечно, я даже начал писать обращение к президенту. (Подает листок бумаги)

Потимков: Так... (Читает) Шановний пану президенту! (Зачеркнуто) Шановного пане президент!

(Зачеркнуто) Шановне пано президентове (Зачеркнуто) На этом обращение, собственно, заканчивается. Эх, Бумбарашка, да разве так нужно обращаться к президенту? (Нажимает кнопку, загорается надпись «Обращение к президенту»)

Хоровод (хором скандирует): Ю-щен-ко! Ю-щен-ко! Ю-щен-ко!

(Лошадь забивается под стол)

Потимков: Вот так!

Хор: Так! Так! Так! Так! Так!

(Лошадь еще более сокращается в размерах и залезает в ящик стола)

Потимков нажимает на кнопку, загорается надпись: «Молчать, суки!» Все замолкают.

Потимков бережно берет в руки коробку: Спасибо, Бумбараш.

Бумбараш: Happy birthday to you!

Потимков (подхватывает): Ю... Ю... Ю... Ю-щен-ко! Ю-щен-ко! Ющенко!

Хор (подхватывает): ... Ю-щен-ко! Ю-щен-ко! Ющенко!

Раздается резкий телефонный звонок. Запыхавшийся, Потимков срывает трубку: Слухаю! Це хто?

А Шалом, Михаил Юрьевич, шалом!

(Последующая беседа происходит, в основном, на иврите, иногда перемежающемся знакомыми словами и выражениями):

Яа, Яа, ... это полный дрэк... Где они видели такой пиар? Я ему сказал, что он просто поц нелегитимный... Натюрлих, Миша, ще не вмерла... Украина убералес! ... Все, зай гезунц!

Внезапно начинает мигать лампочка под потолком. Мигание сопровождается прерывистой монотонной сиреной. Все беспорядочно бегают по студии. Через некоторое время в беге появляется какой-то порядок, люди начинают бегать по кругу, потом замедляются и выстраиваются в очередь, возглавляемую комендантом. Дверь открывается. Входит человек в белом халате.

Человек в белом халате: 7-я палата, после приема лекарств на выход с вещами! У нас канализацию прорвало, полкорпуса уже затопило! Вы переходите в соседнюю палату! После чего – тихий час!

Палата пустеет. Заходят два санитаря для того, чтобы вынести стол. Один из них подбирает с пола коробку и открывает ее.

«Чего там, Лень?» – спрашивает его напарник.

«Да ничего, пустая».

Санитары выносят стол. Из него слышится приглушенное ржание.

Затемнение